

начали представители религіи побѣжденныхъ. Впрочемъ, и это еще не тревожило Теодориха: онъ безпокоился лишь о томъ, чтобы католицизмъ не сталъ играть вытѣснительной роли, чтобы онъ не сдѣлался сообщникомъ національнаго римскаго броженія. Король не вмѣшивался въ дѣла церкви: ни одинъ властитель Рима вплоть до времени Григорія VII, ни одинъ византийскій императоръ за все время существованія восточной имперіи не давали столько простора въ дѣйствіяхъ римскимъ и константинопольскимъ первосвященникамъ, какъ Теодорихъ — главѣ чужой для него религіи, находившемуся въ полнѣйшей власти. Но церковь первая по своей волѣ вышла короля-еретика изъ своихъ внутреннихъ споровъ. Въ этихъ спорахъ уже давно прорывались зловѣщія нотки, уже не разъ проявлялись враждующими сторонами тенденціи прибѣгнуть къ насилію, какъ къ послѣднему доводу. Теперь возможность дѣлать насиліе находилась въ рукахъ Теодориха, и къ нему-то счелъ долгомъ прибѣгнуть римскій папа Симмахъ, ведшій жаркую борьбу съ Лаврентіемъ по вопросу о времени празднованія Пасхи и т. д. Эта борьба, возгорѣвшаяся по чисто католическимъ причинамъ, приняла такіе размѣры, что Теодорихъ, котораго противники безпрестанно посвящали во всѣ подробности своихъ недоразумѣній, рѣшилъ кончить дѣло созваніемъ синода итальянскихъ епископовъ. Но вышло это не такъ просто: Симмахъ подъ предлогомъ боязни выйти изъ дома не явился въ соборъ; борьба съ Лаврентіемъ велась все болѣе и болѣе ожесточенно, — и конечную позицію Теодориха въ этомъ дѣлѣ рѣшило одно чисто дипломатическое вѣдвое обстоятельство: претендентъ на папскій престолъ Лаврентій янно сблизился съ восточною церковью, находившейся подъ давленіемъ константинопольскаго двора; поддержка Симмаха обратилась для готскаго короля въ поддержку собственныхъ интересовъ: послѣ 8-лѣтней борьбы въ 502 году, по приказу соната, утвержденному Теодорихомъ, Симмахъ былъ объявленъ истиннымъ папою, а Лаврентій и его приверженцы удалены изъ Італіи. Борьба Симмаха и Лаврентія пробудила и оживила вражду константинопольскаго двора къ варвару, котораго на берегахъ Босфора, несмотря на всѣ дипломатическія взаимныя любезности, во